

Вэй Хо и Мин Чэнь часто вместе ходили в академию и обратно, постоянно обменивались мнениями — от высокого искусства до простых народных песен, от законов государства до естественных принципов дао, не было тем, которые они не обсуждали бы. В этих взаимных дискуссиях часто случались моменты озарения, и прогресс был значительным.

Еще через несколько дней Цинь Хуай официально получил повышение по службе и приступил к новым обязанностям.

Он отвечал за проверку въезда и выезда через городские ворота Чуньяньмэнь и Хэумынь, три дня дежурил, один день отдыхал, рано уходил и поздно возвращался. В управлении обеспечивали трехразовое питание, так что голодным не оставался. Хотя он и уходил рано и возвращался поздно, приходил на службу в третий и семнадцатый часы, но обязан был только каждые два часа проверять, нет ли где упущений или нарушений, в остальное время мог распоряжаться сам.

Как говорил Вэй Хо, Цинь Хуай теперь стал сторожем.

Цинь Хуай не обижался, слова Вэй Хо соответствовали действительности.

Военные чины в целом невысоки, для столицы его должность была еще неплохой.

Время летело, лето сменилось осенью, и с каждым днем осеннее настроение углублялось.

В день Праздника середины осени Вэй Хо рано вернулся из академии, а Цинь Хуай еще не успел.

Все-таки праздник, и Вэй Хо не хотел один рано ужинать. На пустой желудок он сидел в комнате и читал — от яркого солнца в зените до ясного вечера, и до заката.

Читать становилось все труднее, пришлось зажечь свечу. При ярком свете Вэй Хо не находил себе места, то и дело выглядывая наружу, в душе бормоча:

Почему его все нет?

Только он подумал об этом, как во дворе послышались шаги. В тишине сумерек они были отчетливо слышны. Вэй Хо вскочил и выбежал — и действительно не ошибся.

Цинь Хуай вернулся в обтягивающем костюме и принес коробку лунных пряников, которые раздавали в военном управлении.

Помыв руки, они сели за каменный стол во дворе, на котором стояла свеча. Пряники аккуратно лежали на белой ткани, при свете свечи и луны выглядели довольно мило.

Вэй Хо тут же схватил один и откусил.

Через мгновение его лицо исказилось от отвращения, и он отдал надкусанный пряник Цинь Хуаю.

— С... с пятью орехами... Я такое не ем, ты любишь, забирай.

Цинь Хуай ничуть не смутился, что пряник надкушен, взял и доел.

Они уже привыкли к таким отношениям: если Цинь Хуай откусывал что-то невкусное и отдавал Вэй Хо, тот не брезговал, хотя Цинь Хуай так никогда не делал.

Вэй Хо был привередлив в еде, а у него самого не было особых предпочтений, он ел все подряд.

Вэй Хо не знал, все ли пряники в коробке были с пятью орехами, взял нож и разрезал каждый, к своей радости обнаружив, что все они разные.

Были с лotosовой пастой, с мясом, с пастой из красной фасоли, с черным кунжутом, с яичным желтком и другие.

Вэй Хо больше всего любил с лotosовой пастой, быстро съел его и, чувствуя, что не наелся, взял еще с фасолевой пастой.

Зная, что Цинь Хуай любит с желтком и с мясом, он их не тронул, оставив для него, а пряник с черным кунжутом разрезал пополам, чтобы каждому досталось.

Передавая половину пряника, Вэй Хо вдруг озарила мысль, и он рассмеялся, высказав гениальное, как ему показалось, наблюдение:

— Два полумесяца, сложенные вместе, образуют полную луну — целый пряник. Мне кажется, мы с тобой похожи на эти пряники. Пока тебя не было, я и не ужинал, есть одному в праздничную ночь совсем не интересно, в итоге живот от голода разболелся, а сейчас стало гораздо лучше.

Цинь Хуай смотрел на его улыбающееся лицо: длинные брови изогнуты, в глазах мерцают огоньки, смеется он безудержно, а говоря о голоде, в голосе слышны жалобы, вызывающие жалость.

Он невольно сжал в руке свой пряник.

Это был не первый раз, когда он ощущал в сердце странное чувство, возникшее неизвестно когда.

В последнее время, глядя на Вэй Хо, он часто чувствовал непонятное волнение в груди — то ли как росток, пробивающийся из земли, то ли как меч, сбивающий листву. Но он не мог понять, откуда это волнение и что оно означает.

Просто сейчас во дворе было тихо, лунный свет струился редкими лучами, свет свечи колебался, а этот юноша, с которым он вырос, улыбался так прекрасно, и слова его были так трогательны, что ему захотелось...

Чего захотелось?

Порыв ветра прервал мысли Цинь Хуая.

Он собрался с мыслями и сказал:

— В следующий раз не жди меня, перекуси сначала, а когда я вернусь, поедем вместе. Нельзя сидеть голодным, у тебя и так желудок слабый, потом опять заболит.

Вэй Хо согласился, но не принял близко к сердцу, весело ответив:

— Ты можешь прогреть мне внутренней энергией, и станет легче.

Осенней ночью легкий вечерний ветерок, словно рука красавицы, ласкал кожу, принося ни с чем не сравнимое наслаждение. Ночной ветер пробежал по верхушкам деревьев, ветви

шелестели, звук был нежным.

Вэй Хо вдруг захотелось вина. Желание возникло — и тут же потребовал кувшин.

Цинь Хуай слегка нахмурился:

— У тебя недавно живот болел, сейчас пить не стоит. Каждый раз, когда Вэй Хо пил, он тут же краснел, две-три чашки — и он пьянел, да и вино раздражающее, для желудка вредно.

— Ничего, сегодня такая прекрасная луна, лунный свет в вине — это же прекрасно!

В итоге Цинь Хуай позволил ему выпить только две чашки, но Вэй Хо, как и следовало ожидать, опьянел. Склонив голову, он прислонился к плечу Цинь Хуая, и луна в его глазах качалась, то и дело раздваиваясь.

Хмель ударил в голову, он немного поболтал, затем сонно закрыл глаза.

Боясь, что Вэй Хо соскользнет и упадет, Цинь Хуай обнял его за талию рукой. Вэй Хо, найдя удобную позу, в полузабытьи погрузился в сон.

Осенний ветерок был прохладен, но теплое дыхание юноши обдавало шею, и Цинь Хуай почувствовал, как жар поднимается из груди, быстро распространяясь по всему телу, и никак не удается его подавить.

В вихре мыслей он опустил голову. Вэй Хо лежал, положив голову ему на плечо, лицо спокойное во сне.

Очнувшись, Цинь Хуай обнаружил, что наклонился так низко, что между их губами оставалось расстояние всего в один сустав.

Что он делал?!

Цинь Хуай тут же пришел в себя, резко выпрямился, сердце бешено колотилось, выходя из-под контроля.

Как он только что... что на него нашло?

Почему ему захотелось прикоснуться к этим мягким губам, попробовать их на вкус...

Цинь Хуай сжал кулаки, ногти впились в ладони, он заставил себя успокоиться.

Очистив голову от посторонних мыслей, он подхватил Вэй Хо на руки и отнес в дом, осторожно положил на кровать, снял с него обувь и носки, смочил полотенце и вытер ему лицо и руки, затем приготовил теплую воду, чтобы помыть Вэй Хо ноги.

Он и раньше несколько раз видел их, но никогда так явно не осознавал, насколько они стройные и белые, с длинными изящными пальцами, подушечки и пятки покрытые легким румянцем. Ноги были теплыми, Вэй Хо во сне пошевелился и тихо крякнул.

Жар, казалось, снова накатил. Цинь Хуай стиснул челюсти, быстро вытер ноги Вэй Хо, уложил их на кровать, укрыл одеялом и затем пустился наутек.

Что происходило во второй половине ночи, Вэй Хо не знал.

На следующее утро он помнил только, что напился, заснул пьяным и видел сон.

Бескрайняя пустошь, хлопья снега, на земле сугробы в несколько чи.

Он с трудом пробирался вперед, ступни замерзли и потеряли чувствительность.

Вдруг почувствовал, будто под ногами наступила весна, тепло хлынуло, обволокло обе ступни, и этот жар от подошв распространился по всему телу.

Сон оборвался, во второй половине ночи снов не было, проспал до третьего часа утра.

Пение птиц проникло сквозь окно, Вэй Хо сонно открыл глаза, почувствовал неладное внизу живота, потрогал рукой — и лицо его тут же покраснело, словно от выпивки.

*

После осени наступила зима, зима была долгой, но все же прошла.

Холод сменялся зноем, зной — холодом, холод ушел, пришла весна, снова начался год, и приблизился столичный экзамен.

Из-за происшествия в прошлом году многие еще были напуганы и надеялись, что в этом году ничего подобного не повторится.

Те, кто успешно прошел провинциальный экзамен в прошлый раз, не должны были пересдавать, им нужно было только заново участвовать в столичном, а после его прохождения — в дворцовом. Большинство участников прошлого раза все равно приезжали в столицу для сдачи экзаменов, вместе с ними прибывали и участники этого года, поэтому в этом году число сдающих столичный и дворцовый экзамены было рекордным за всю историю, что и было зафиксировано в летописях государства Чэнь периода Цзячжэн, став предметом восхищения последующих поколений.

Вэй Хо вовремя подал заявку, подтвердив участие в столичном экзамене этого года. Экзамен проходил прямо в академии, и за три дня до его начала он собрал вещи и поселился в академическом общежитии.

Даже будучи хорошо подготовленным и теоретически более уверенным, чем в прошлом году, Вэй Хо чувствовал обратное.

Чем ближе был экзамен, тем больше он нервничал и не мог сосредоточиться на книгах.

В ночь перед столичным экзаменом Вэй Хо вообще не сомкнул глаз.

Лег на кровать на полчаса раньше обычного, но ворочался с боку на бок, сон не шел. В раздражении Вэй Хо сел, накинул одежду и встал.

Без Цинь Хуая на душе было пусто.

Скрипнула дверь.

Вэй Хо вышел и встал под карнизом. Ночной дождь шумел — редкий для весенних дождей такой обильный ливень.

<http://bllate.org/book/15583/1387749>